

Большевики — «черносотенцы»

Практика строительства социализма в одной стране приводила к смене ориентиров от космополитического мессианства мировой революции к имперскому конструированию. Н. А. Бердяев писал о коммунизме в качестве русской идеи: «На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унизительную роль. Они не понимают, что присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание... И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт, что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике»⁸.

Ленинская теория построения «государства нового типа» как глобализации опыта Парижской коммуны расходилась с практикой построения советской политической системы по образцу старорежимных учреждений. Сразу же после захвата власти большевиками, некоторые из их либеральных оппонентов заговорили о термидорианской сущности октябрьского переворота и даже о его правореакционной подоплеке. Уже 28 ноября (11 дек.) 1917 г. один из лидеров меньшевистского крыла социал-демократии А. Н. Потресов предупредил, что

⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 247. Л. 29.

⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 118.

«идет просачивание в большевизм черносотенства»⁹. Приблизительно в то же время на страницах есеровской газеты «Воля народа» публикуется статья В. Вьюгова с симптоматичным названием «Черносотенцы — большевики и большевики — черносотенцы», в которой автор пишет даже не о «просачивание» черносотенных элементов, а о черносотенной сущности большевизма. Политика Смольного усматривалась им в восстановлении «старого», т. е. дофевральского строя¹⁰.

Этический императив сменовеховской позиции, заключавшейся в рассмотрении имперского могущества России в качестве высшей ценности, также основывался на тезисе о большевистском термидоре. Призыв «В Каноссу!» являлся следствием оценки исторической миссии большевиков, как «собирателей земли Русской». Разъясняя перед эмигрантской аудиторией консервативную трансформацию революции, С. Чахотин писал: «история заставила русскую “коммунистическую” республику, вопреки ее официальной догме, взять на себя национальное дело собирания распавшейся было России, а вместе с тем восстановления и увеличения русского международного удельного веса. Странно и неожиданно было наблюдать, как в моменты подхода большевиков к Варшаве во всех углах Европы с опаской, но и с известным уважением заговорили не о “большевиках”, а... о России, о новом ее появлении на мировой арене»¹¹.

Евразийцы в рассмотрении глубинных основ большевизма шли дальше сменовеховцев, усматривая в русской революции не просто антифевральский термидор, а отрицание всего петербургского периода отечественной истории, обращение к основам почвенной самобытности. Таким образом, в евразийской интерпретации большевизм предстал как не осознающее смысл своей исторической миссии движение «консервативной революции».

Историографический стереотип о том, что все без исключения черносотенные монархисты оказались в стане непримири-

⁹ Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее. Исторический альманах. М., 1991. № 3. С. 141.

¹⁰ Вьюгов В. Черносотенцы – большевики и большевики – черносотенцы // Воля народа. 1917. 3 дек.

¹¹ Чахотин С. В. Каноссу! // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 74.

мых противников советской власти, нуждается в пересмотре. В этом плане показательное отношение к большевикам одного из идеологов черносотенства Б. Н. Никольского. Уже в 1918 г. он обнаруживал в большевизме бессознательный монархизм. «В активной политике, — писал адепт правомонархической идеи в октябре 1918 г., — они с нескудеющей энергиею занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе, созидая вопреки своей воле и мысли, новый фундамент для того, что сами разрушают... Разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, еще не умрет... Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле в них нет: они поистине орудия исторической неизбежности... лучшие в их среде сами это чувствуют как кошмар, как мурашки по спине, боясь в этом сознаться себе самим; с другой стороны в этом их Немезида; несите тяготы власти, захватив власть! Знайте шапку Мономаха!..»¹² Б. В. Никольский указывал, что враги у черносотенцев и большевиков общие — это «эсеры, кадеты и до октябристов включительно»¹³. Конечно, он понимал невозможность скорого восстановления правильного монархического правления большевиками. Однако им предсказывалось утверждение красного имперского цезаризма¹⁴.